

Виктор Окороков

**ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВРЕМЕНИ
(БЫТИЕ И ЯЗЫК КАК ПРЕДМЕТЫ
НЕКЛАССИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ)**

Адекватная уровню развития культуры интерпретация времени была присуща любой классической общности людей. Однако то, что понималось под временем в мифологическом мировоззрении, скорее напоминало подобие пространственным представлениям. Те робкие попытки интерпретации времени, которые периодически наблюдались в классическом обществе, скорее представляли собой разрывы культуры мышления и воспринимались современниками как недостижимые в человеческом мире катаклизмы идеального мира (апории). Неудивительно, что даже самая красивая классическая модель осмысления этого «явления» в механике Ньютона лишь вынесла на поверхность мышления некоторые закономерности связанных со временем событий. Размышляя о судьбе мира, Ньютон осознал, что единственный способ навести порядок в окружающей действительности – сделать время и пространство недостижимыми (абсолютными), т. е. интерпретировать их как фон, на котором разворачиваются все остальные события (сделать их неподсудными для разума и недостижимыми для него). Он лишь реализовал мечту Галилея и Декарта о математическом обустройстве реального мира. В таком контексте догадки Канта о трансцендентальном устройстве чувственного познания выглядят вполне естественным продолжением идей Ньютона, Галилея и Декарта. Четко прослеживая эту традицию, Гуссерль начал анализ кризиса европейской цивилизации именно с Галилея, ввергнувшего реальный мир в пучину математических формул. Проблема математической интерпретации мира досталась в наследство Новому времени еще от античности¹. Иными словами, представление о мире как числе и идея математической интерпретации мира (безусловного доверия математическому зову бытия) являются столь же древними, как и само мышление. Удивительно то, что, когда математики и естествоиспытатели XIX–XX вв. вернулись к этой идее², практически все новые математические интерпретации подтверждались реальными научными находками³ – математика задавала образы современного мира и, по сути, не ошибалась.

Но математика – чистая статическая наука. Ей никогда не хватало динамики. Точно описывая внутренний мир событий, она никогда не могла описать внешний мир. В этой же плоскости скрываются загадки движения, описание которого было проблемным для Зенона, Демокрита и Аристотеля. И до сих пор, собственно, никто не знает, что такое движение. Современные теории утверждают, что есть собственные движения по

геодезическим, но все они связаны с наличием физических частиц (и их взаимодействий), фактически, с геометрией пространства и времени (или пространства-времени).

Если исходить из гипотезы соответствия реального и математического миров, то фактическим следствием разрешения этих предположений должно стать обоснование непрерывности. Хотя само движения еще не следует из соответствия математики и физики, но прямым следствием движения становится непрерывность, ибо непрерывность подразумевает переход математической (физической) точки из одного места в другое. Тогда мы должны заключить, что нет теории актуальных множеств (Кантора), как нет и непрерывных множеств, а есть лишь проблема движения объектов (математических или физических). Именно поэтому для решения проблемы движения Эйнштейну пришлось искусственно вводить тензор энергии-импульса. Он предположил, что геометрия (математика) мира обусловлена физическими свойствами. Так была завершена эра расхождения метафизики (математики) и физики, обозначенная Аристотелем. Метафизика вернулась к пророчествам досократика (доаристотелика) Пифагора, который первым в своем учении о числе описал связь арифметики и физики, более того указал, что именно в числе сходятся две фундаментальные мировые последовательности (ряд вещей и ряд мыслей), то есть первым понял фундаментальную связь того, что делает разум (логос), – метафизику, математику и логику, и того, что осуществляется в мире (реальности), – физику (мир движений). Связав количество и качество, он объединил мир в единый физико-математический континуум. Эйнштейн более двух тысяч лет спустя проделал ту же самую операцию – объединил количество (число) и качество (фюсис), геометрию (математику) и движение (природу). Логос (мировой разум), почти по Гегелю, проделав двухтысячелетний цикл развития, вернулся к себе и к своим фундаментальным основаниям – единству со стихиями (миром). Эйнштейн лишь показал, что движение той или иной точки (математической, физической или философской) обусловлено соответствующей геометрией мира, то есть такая точка реально существует в бытии мира, и путь ее движения может быть описан разумом как непрерывное (актуальное) множество или континуум (отсюда и вытекают проблемы Кантора, его континуум-гипотеза, известная как первая проблема Гилберта). Эйнштейн так же по-новому понял сущность времени, подчинив его законам геометрии, что и привело к интерпретации СТО (специальной теории относительности) посредством единого пространства-времени Минковского. Но только в ОТО (общей теории относительности) Эйнштейн обнаружил, что единственный способ «создать» реальный мир на кончике пера (описать его математически) состоит в искусственном объединении пространственно-временной

(геометрической) и энергетической (физической) частей. Он буквально действовал по заветам Пифагора. Тем не менее, такое «насильственное овладение» наукой хотя и привело к хорошим практическим результатам, но оставило за пределами самой передовой естественнонаучной теории проблемы движения и времени.

Разрешение этого кризиса пришло лишь вместе с идеями Геделя. Теоремы и гипотезы Кантора, Гилберта и Геделя – лишь свидетельства необходимости наличия внешней системы отсчета для описания внутренних событий данной системы, то есть необходимости наличия возможности движения по отношению к арифметике, математике, естествознанию, философии и т. д. Иными словами, топология любой системы мышления или физической системы обусловлена внешними факторами, которые задают внутренние возможности ее движения или движения внутри нее (например, способом сканирования). Нет движения (а значит, внешнего фактора), нет и системы, нет и математического способа описания этой системы – вот фундаментальный принцип построения мира. Даже в абстрактных пространствах, таких как математика, метафизика, теоретическая физика, логика, должны быть заданы способы анализа (движения) их «сущностей», например, способ задания непрерывности. Из сказанного выше можно утверждать, что непрерывности в чистом виде в природе не существует. Лишь после задания способа рассмотрения непрерывности (например, в актуальном смысле, как считали Кантор и Гилберт) можно говорить о самой непрерывности, иначе мы соскальзываем на уровень дурных (по Гегелю) бесконечностей, которых в природе не наблюдается. Соответственно, не наблюдается и абсолютных непрерывностей. Относительная непрерывность всегда задается внешним образом по законам, заданным внешним образом, – и эти законы обусловлены заданием способа движения. Система «чистых наук» – математика, логика, теоретическая физика, метафизика – лишь свидетельствует о способах вовлечения нашего со-знания в проблему понимания непрерывности (или движения). Чистой непрерывности нет и не может быть ни в одной из наук (даже чистой), но можно указать способ задания движения и истолковываемого посредством него «непрерывного» множества. В частности, актуальность множества – есть способ просматривания (задания) данного множества (движения по нему) и никаким иным способом в реальном и виртуальном мире эта операция более не может быть осуществлена. Вне системности нет движения. И геометрия – лишь способ усмотрения непрерывности или движения точек внутри определенной системы (способ передвижения по ее пространству). Открытых геометрий (кроме геометрии Евклида) в природе быть не может, ибо у них нет и не может быть границы. В этом случае, как мы уже выяснили, невозможно задать ее метрику. Локальные

приближения к абсолютной геометрии могут быть, но это возможно лишь в случае неопределенности ее пограничных свойств. Более подробный анализ проблемы интерпретации времени и движения проведен в рамках конференции в Виннице «Случайность в современном мире: диалог науки, религий, культур» в статье «Геометрические закономерности трансформации хаоса (к проблеме взаимосвязи движения и точки)».

Из приведенного экскурса к проблемам взаимосвязи математики и физики (пространства со временем и движением) в классическом и неклассическом мышлении становится ясным, что и неклассические «науки о духе» не случайным образом подошли к проблеме философской интерпретации времени и движения. Но ведь любая интерпретация всегда раскрывается как связь и соотношение смыслов, в свою очередь, смысл может быть специфическим образом интерпретирован в любой конкретной (даже индивидуальной) системе отсчета. Поэтому каждая наука (которую Гуссерль рассматривал как конкретный регион сознания) интерпретирует смысл в духе своих представлений. Философия проникла в сущность времени посредством своих испытанных «в истории» инструментов. В Новое время (прежде всего, благодаря Канту) выяснилось, что все «чистые науки» (математика, метафизика, логика) «работают» при осмыслении таких понятий, как время, совершенно идентичным образом. Например, А. Пуанкаре и Ф. Клейн попытались перевести геометрию Лобачевского-Больяи в формализм евклидовой геометрии, что говорит об общих закономерностях интерпретации пространства в различных геометрических системах отсчета (метриках). И время на языке «чистой науки» можно интерпретировать в контексте соответствующего лингвистического способа задания мира. В частности, Л. Витгенштейн (в рамках логической интерпретации) утверждал, что «мир – это факты в логическом пространстве» [1, с. 5]. И время можно задавать или интерпретировать в логическом, метафизическом, математическом или естественнонаучном пространствах. Более того, можно осуществить перевод одной аксиоматической системы смыслов на язык другой. Следовательно, есть нечто общее, что присуще всем языкам. Это общее, присущее всем языкам и наукам, есть смысл. Именно такой подход позволил А. Пуанкаре во второй половине XIX в. выдвинуть идею о возможности трансформации одних геометрических пространств в другие. Науку, занимающуюся такого рода операциями, он назвал топологией. Расширяя проблематику Пуанкаре, на гуманитарные и чистые науки, философы XX в. изобрели похожие механизмы философской интерпретации (М. Фуко исследовал генеалогию и картографию классических обществ; Вальденфельс – топографию чужого и т. д.).

Но в таком случае можно на ту же проблему взглянуть в другой плоскости и рассматривать интерпретацию как сдвинутый во времени

«пересказ» события (текста, явления или действия). Именно такой вид интерпретации лежит в основе формирования представлений об истории, когда один и тот же факт (событие) в разное время интерпретируется по-разному. А так как количество возможных интерпретаций классических событий может быть неограниченным, то некоторые из мыслителей XX в. поспешили возвестить о конце классического понимания мира: конце цивилизации (О. Шпенглер и А. Тойнби), конце метафизики (Ю. Хабермас), конце истории (Ф. Фукуяма [3]), конце целостного восприятия человека и фрагментации личности, по сути, о конце антропологии (Ж. Деррида и другие деконструктивисты). Проблема временной интерпретации текста возникла относительно недавно. Г. Миш в своем биографическом анализе предложил рассматривать фигуру автора как основной источник смысла. В рамках постмодернистских интенций проблема бесконечной интерпретируемости текста была определена как конец автора. Именно в этом направлении в качестве механизма выдвижения на сцену текстуальности проблемы времени появились такие фигуры, как автор и читатель (см., напр., работу У.Эко «Роль читателя» [6]). Тем не менее, деконструктивисты, возможно, умышленно, стремились не замечать тот факт, что между автором и читателем лежит нечто, что всегда их разделяет, – время (или история). Следовательно, интерпретация всегда связана со смысловой и временной задержкой. Элиминация автора в буквальном смысле слова означает абсолютизацию текста и письма. Роль автора в таком случае сводится лишь к роли посредника в бесконечном самопродуктировании и самоэволюции текста. В таком случае мы скатываемся в русло дурных бесконечностей Гегеля в области лингвистики. Именно для того, чтобы избежать такого классического способа исчисления текста, Ж. Делез предложил рассматривать автора и читателя (и каждую личность) как конструкты шизоанализа, в которых проблема дурных бесконечностей разрешается по рецепту Кантора-Гилберта-Геделя. Мысль интерпретатора, хотя и может иметь бесконечно длящиеся серии смыслов, регламентируется из бессознательного различными механизмами и не может впасть в дурные бесконечности.

Философия XIX–XX вв. пришла к совершенно схожим результатам. Она увидела время посредством интерпретации физического мира в духе неклассических событий естествознания и по аналогии стала интерпретировать историю. Время, всегда пребывавшее в классической философии на почтительном расстоянии от точки приложения усилий мышления, посредством феноменологических новаций разорвало рамки внешнего (почитаемого и абсолютизируемого в классике) времени и превратилось во «внутреннее со-бытие» сознания, переживаемого в том же смысле, в котором психика интерпретирует последовательность системы звуков (точнее, гармонию звуков в музыке). По этому рецепту

человек оказался обладателем «внутренней микровселенной», обладающей своими принципами распределения смыслов, то есть интерпретатором, ощущающим дыхание времени. Разбив все имеющееся знание на сферы интерпретации (регионы), он нормировал язык мышления и упростил возможность интерпретации смыслов, обладая способностью изначального распределения смыслов по регионам. Но гораздо сложнее оказалась интерпретация того, что не поддается регионализации, ускользает за пределы сознания. Это, прежде всего, категории пространства и времени. Для описания этих трансцендентальных феноменов человек мыслящий вынужден был применить язык приближений и аналогий по смыслу (топологий). В конечном счете, ведь и регионы бытия мышления выстраивались в соответствии с какими-то принципами, которые еще Аристотель понимал как категории (как возможные сферы высказываний о бытии). Хайдеггер, изменив (точнее, радикально перестроив) мысль Аристотеля, обнаружил принципиально иной класс понятий (язык), который изоморфен другим способам выражения мира, но «настроен на волну» первичной данности бытия (а не сущего, как у Аристотеля). Фундаментальные понятия, типа пространство и время, оказались изоморфными уже не сущему, а бытию. Это собственно и обнаружил Хайдеггер в «Бытии и времени», а потому именно язык фундаментальных понятий (который выстраивает и все остальные смыслы, и способы интерпретации) становится домом бытия. Такой язык можно назвать фундаментальным в соответствии с тем, что онтология Хайдеггера получила название фундаментальной. И единственный способ осмысления фундаментальных (трансцендентальных) понятий – это возможность их прочтения из локальной системы координат (из локального места события). Он ориентирован на раскрытие связности всего фундаментального мира из локальной точки (места-топоса у Аристотеля). Такой способ раскрытия (понимания) фундаментального единства мира в математике получил название топология. Так что Хайдеггер действовал в буквальном смысле в соответствии с требованиями математиков конца XIX в. (в частности, А. Пуанкаре). Поэтому его Dasein имеет экзистенциальную привязку к миру, которая в силу своей локальности (топосности здесь-бытия) не имеет четкого определения для сознания, не имеет четкой границы, но зато имеет способы заданности своего существования через понимание связности (которую Хайдеггер, по сути, называет открытостью). Вывод Хайдеггера применительно к бытию прост: мы не можем знать пространства и времени бытия, но мы можем знать способ его связности с миром в целом, поэтому экзистенциальная аналитика Хайдеггера направлена именно на анализ способа связности Dasein с миром. Бытийствовать – значит существовать, или находить в «чем-то», что не имеет «видимых» границ,

а поэтому в «чистом» смысле не может быть определено. Кстати говоря, все «чистые науки» (метафизика, логика, математика, этика, эстетика) построены именно по принципу топологии. Следовательно, топология – наука древняя, но понимание того, какой принцип лежал в основе топологии, пришло слишком поздно. Вот почему все «чистые науки» существовали на правах трансцендентальных (находящихся за пределами) наук, фактически, на протяжении всей обозримой истории. Основания этих наук всегда лежали за пределами человеческого понимания. Это и есть тайная скрытая мысль Хайдеггера. Понимание, а соответственно и способ интерпретации «чистых наук», может прийти только из горизонта времени (истории) или из правильного прочтения локального события Dasein (его места), то есть из способа прочтения связности мира из локальной точки Dasein – из горизонта сущего. Других способов задания сущности бытия Хайдеггер не видел, но может быть их просто и не существует, так как до сих пор человечество научилось разворачивать всякое возможное существование (способ интерпретации мира) только из понимания пространства и времени. Таким образом, топология становится не только фундаментальным способом понимания фундаментальной онтологии Dasein, но возможно, и единственным допустимым самоочевидным методом исследования возможностей «чистых наук». Она представляет собой незримую для разума и рациональности разметку (метрику), которая обусловлена связностью того или иного единства мира (микромира, если рассматривать человека). Единственное фундаментальное свойство бытия, которое рассматривает Хайдеггер, – это его связность (или открытость), понимаемая из локальной точки Dasein. Хайдеггер лишь подтверждает тот необычный факт, что бытие адекватно времени, и в этом смысле и бытие, и время является «даром», актом дарения (см.: [4; 5]), то есть мы не знаем и не может знать суть происхождения ни бытия, ни времени. Причины такого «дарения» исследованы нами в работе, написанной для конференции в Виннице, в которой показано, что в силу принципа Кантора-Гилберта-Геделя и принципа Пифагора («число есть мир») время всегда приходит извне (дарится), а его свойства регламентированы границей замыкания системы (Вселенной) – макромира или человека – микромира (в зависимости от точки интерпретации). Да, и ницшеанское «вечное возвращение», явившееся для Хайдеггера одной из первичных гипотез для становления фундаментальной онтологии, – лишь способ выражения замкнутого границей мира (человек обречен возвращаться к своим границам – границам своего бытия или бытия мира, в зависимости от точки интерпретации, локализации). Хайдеггер ссылается на геллерлиновскую «Мнемозину»: «Время есть давнее», а именно то, в котором мы суть знак без значения [5, с. 43].

Аналогичными свойствами обладает, по Хайдеггеру, и само мышление. Но мышление и наука не одно и то же. По мнению основателя экзистенциальной аналитики, «наука... не мыслит и не может мыслить – и это к ее счастью, то есть к упрочению ее жестко определенной поступи» [5, с. 39]. Наука не мыслит, а мышление – это «дар» (пришедший неведь откуда). Мышление о мышлении развилось на Западе в «логику» [5, с. 46]. «Мышление состоит не из одних скреп, а, напротив, распадается в ничто бессмысленности. Ницше говорит об этом... простым... словом: «Пустыня растет»... Опустынивание ужаснее, чем уничтожение... и (Ницше добавляет): «Горе тому, кто таит в себе пустыню» [5, с. 47–48]. Это и есть емкая связность тех событий, которые происходили на Западе последние две тысячи лет. Науки, опустошающие мышления, произрастают, тогда как само мышление, непричастное к наукам, находится в забвении. Но человек то самое существо, которое *есть* лишь постольку, поскольку оно мыслит. Ницше находит выход в становлении сверхчеловека. Человек... есть переход; он есть некий мост; это «канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [6, с. 9]. Человек живет лишь потому, что он «натянут» во времени как канат между прошлым и будущим, и настоящее – это смерть, это скатывание к науке. Мышление не может остановиться, оно, как и любое движение, никогда не пребывает в покое. Остановка для мышления есть разрыв каната – это смерть. Время человека заканчивается вместе с разрывом каната. Пока человек экзистенциален и строит проекты, он живет. И именно поэтому важнейший способ выстраивания жизни есть интерпретация времени (перехода). Это хорошо понимала восточная мудрость. И индуизм, и буддизм, и даосизм основаны на поиске абсолюта, освобожденного от какой бы то ни было привязанности ко времени (и бытию). Ницше измеряет ту же проблему абсолюта мерками европейского мышления. «Мышление Ницше относится к избавлению от духа мести» [5, с. 74]. Мечь и есть способ существования научного (застывшего) мышления. Наука плодит знание, а многое знание преумножает скорбь (завет Екклесиаста). Освобождение, согласно Ницше, связано с волением. Но «против того, что “было”, воление уже ничего не может сделать... “было” становится скорбью и зубным скрежетом всякого воления» [5, с. 78]. А следовательно, история, или время, и есть «ахиллесова пята» мышления. Парадокс науки – это парадокс интерпретации конечности времени. Там, где есть история, имеется несобственное существование и осуществляется «падение» Dasein. Временное считается лишь преходящим. Время отдает только то, что оно само имеет. «Характеристика временного как преходящего все это в единстве выражает в общей метафизике Запада расхожее представление о «том» времени» [5, с. 81]. Классическая интерпретация времени, отдавая дань аналитике Аристотеля,

связывала время с сущим как важнейшей характеристикой его раскрытия, т. е. считалось, что время принадлежит сущему. Но «представление сущего само по себе метафизично» [5, с. 27]. Парадокс такой интерпретации привел западное мышление к множеству антиномий. По сути, такое пространственное понимание времени замыкало на себя все трудности интерпретации континуальности. Движение было жестко связано со временем сущего, что приводило к ускользанию понимания движения за горизонт мышления. «Время существует тем, что оно проходит. Оно есть тем, что оно постоянно не есть» [5, с. 128]. Такого рода загадочные высказывания встречаются у Хайдеггера довольно часто после написания «Бытия и времени». Но он не идет дальше этих высказываний, так как не может помыслить время вне устоявшегося европейского языка мышления. Парадокс Хайдеггера, который постоянно выносит время в небытие (за пределы мыслимого), и в то же время постоянно соотносит с ним бытие, может быть разрешен только в том случае, если мы интерпретируем время как данное извне. Любая система замкнута своими границами. Однако, согласно принципу Кантора-Гилберта-Геделя, сущность внутреннего устройства системы может быть детерминирована только внешними параметрами, задающими ее внутреннюю связность. Таким образом, бытие системы изнутри, обусловленное временем, может быть регламентировано только внешними параметрами, и, следовательно, внутреннее время системы может быть задано лишь параметрами извне. – Время приходит как «дар» извне. Хайдеггер об этом догадывался на основе своих еще самых первичных топологических представлений, но выразить это еще не мог. Не было адекватного языка и соответствующей возможности интерпретации времени. Прорыв к такой новой интерпретации был осуществлен только во второй половине XX в. усилиями математиков и естествоиспытателей, с одной стороны, и философов (структуралистов и постструктуралистов), с другой. Однако квантовые теории калибровочных полей и шизоаналитическая теория психики – это уже новый шаг в интерпретации пространства и времени, для осмысления которого нужен новый диалог автора и читателя.

Примечания

¹ «Мир есть число» (Пифагора), сфайрос (Парменида), мир, погруженный в кенон (сосуд без стенок Демокрита), мир как реализация высших (по сути составленных по образу математических) идей (Платона), мир как гармония сфер, движимых вечным (математическим) двигателем (Аристотеля) – вот образцы математической интерпретации мира в Античности.

² геометрии Евклида, Лобачевского, Римана, спинорное пространство, геометрия Минковского, финслерова геометрия, геометродинамика

Г. Вейля, геометрия Э. Картана, биметрические геометрии, 5-мерная геометрия Калуци-Клейна, геометрия n-мерных пространств, СТО, ОТО, квантовая механика, квантовая электродинамика, квантовая хромодинамика, теории нарушения калибровочной симметрии, теории Большого взрыва, теория раздувающейся Вселенной и т. д.).

³ в частности, открытие красного смещения, позитрона, спина, мезона, черных дыр и т. д.– всем этим фундаментальным явлениям предшествовало их математическое описание.

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: В 2 ч.– М.: Гнозис, 2004.– Ч. 1.– С. 1–75.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т.– М.: Мысль, 1990.– С. 5–237.
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек.– М.: АСТ; Ермак, 2005.
4. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления.– М.: Республика, 1993.– С. 391–407.
5. Хайдеггер М. Что такое мышление?– М.: Территория будущего, 2006.
6. Эко У. Роль читателя. Исследование по семиотике текста.– СПб.: Симпозиум, 2005.